

9. Иванов, А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика : учеб. пособие для вузов / А.А. Иванов. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2004.
10. Кучинский, В.А. Личность, свобода, право / В.А. Кучинский. М. : Юрид. лит., 1978.
11. Кучинский, В.А. Современное учение о правовых отношениях / В.А. Кучинский. Минск : Интегралполиграф, 2008.
12. Липинский, Д.А. Проблемы юридической ответственности / Д.А. Липинский ; под ред. Р.Л. Хачатурова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юрид. Центр Пресс, 2004.
13. Людвигевич, О.Н. Конституционные основы юридической ответственности / О.Н. Людвигевич // Вестн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2007. № 1.
14. Людвікевіч, В.М. Юрыдычная адказнасць: тэарэтычныя і практычныя праблемы / В.М. Людвікевіч // Вестні Нац. акад. навук. Сер. гуманітар. навук. 2010. № 1.
15. Самощенко, И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин. М. : Юрид. лит., 1971.
16. Шаргородский, М.Д. Детерминизм и ответственность / М.Д. Шаргородский // Правоведение. 1968. № 1.
17. Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / под ред. В.А. Кучинского, Э.А. Саркисовой. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1996.
18. Hoecke, M. van. What is Legal Theory? / M. van Hoecke with an introduction by J. Bell. Leuven : Acco, 1985.
19. Опаłek, К. Zagadnienia teorii prawa i teorii polityki / К. Опаłek. Wazszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1986.
20. Redelbach, A. Zarys teorii państwa i prawa / A. Redelbach, S. Wronkowska, Z. Ziemiński. Wazszawa : Wydawnictwo PWN, 1993.

Дата поступления в редакцию: 04.09.2012

УДК 94(476)«1941/1945»

С.Ф. Лапанович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ СССР В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Анализируется эвакуация населения из западных регионов страны в связи с нападением нацистской Германии. В качестве дискуссионных проблем рассматривают своевременность подготовки эвакуационных планов в предвоенный период, определение конкретной роли советского руководства в инициации и проведении эвакуации, а также определение общего количества эвакуированного населения.

The article is devoted to the act of evacuation of the population from the western regions of the country in connection with an attack of nazi Germany. As debatable problems the questions concerning the opportune preparation of the plans of the evacuation during the prewar period, definition of the specific role of the Soviet leadership in the initiation and the carrying out of the evacuation, as well as the determination of the total of the evacuated population are considered.

XX век был временем многочисленных конфликтов и войн, две из которых приобрели глобальный характер и вошли в историю как Первая и Вторая мировые войны. Такие присущие военным конфликтам явления, как беженство и эвакуация, именно в период мировых войн приобрели невиданные масштабы и стали исчисляться миллионами человек.

Несмотря на наличие многочисленных исследований, которые посвящены Второй мировой и Великой Отечественной войнам, лишь в незначительной части затрагиваются аспекты существования мирного населения в целом и беженцев в частности в этот трагический период. Поэтому прежде всего актуальность рассмотрения проблемы беженства и эвакуации в годы второй мировой и Великой Отечественной войны объясняется тем, что эта тематика является мало разработанной и недостаточно исследованной. Последнее вызывает в исторической науке дискуссии по данным вопросам. Исследование проблемы беженства затребовано обществом и потому, что на современном этапе это явление остается острой гуманитарной проблемой для всего мирового сообщества.

Под беженцами историческая наука понимает мирное население фронтовых и прифронтовых территорий, которое под прямым или опосредованным воздействием обстоятельств военного времени покидает (добровольно или принудительно) места своего постоянного проживания. В то же время организованный и по возможности контролируемый государством вывоз населения и различного вида оборудования, ценностей принято считать эвакуацией. Очень часто эвакуированное население становилось общей частью всего беженского движения.

Ряд исследователей выделяют как отдельные категории беженцев депортированное или принудительно (по политическим, этническим и религиозным мотивам) выселенное население [15].

Далее, в зависимости от хода боевых действий (фактора объективного) и государственной политики (во многом субъективного момента, который, прежде всего, включает финансирование способов перемещения и обеспечения нужд первой необходимости) в отношении как стихийного беженства, так и эвакуированного населения, мирные жители могут либо направляться в более безопасные для проживания регионы, либо, стихийно перемещаясь, оставаться в опасных районах, либо погибнуть.

В советской исторической науке эвакуация населения в западных регионах СССР рассматривалась в общем контексте всех эвакуационных мероприятий, проводимых советским правительством. В качестве положительных достижений советской историографии следует отметить глубокую фактологическую разработку вопросов эвакуации промышленных и сельскохозяйственных ресурсов [13]. В отношении проблемы перемещения мирного населения советская историческая наука рассматривала только организованные формы переселения конкретных категорий мирных жителей, а именно: детей и несовершеннолетних, высококвалифицированных рабочих, а также советских и партийных деятелей с их семьями. Про факты стихийного беженства были лишь эпизодические упоминания без системного анализа обстоятельств выселения, перемещения и выживания в трагических условиях начального периода войны [9]. При этом сам процесс эвакуации очень часто рассматривался лишь в качестве пролога к последующему исследованию работы тыла по обеспечению Красной Армии и советского государства в период войны [8].

Как отмечает белорусский исследователь Л. Сугако, для советской белорусской историографии в освящении эвакуационной тематики были присущи следующие черты: определение ведущей роли партийных органов в осуществлении эвакуации; концентрация внимания на производственных ресурсах и минимальное отображение проблемы спасения культурных ценностей; акцент на рабочем героизме советских граждан при замалчивании связанных с переселением людей проблем [21]. При этом в советской исторической науке почти не рассматривались аспекты эвакуации из западных областей БССР, провал которой объяснялся исключительно объективными причинами [2].

Современная историческая наука на постсоветском пространстве как в Беларуси, так и в Российской Федерации, Украине и других республиках стремится рассматривать проблему беженства и эвакуации не только как социально-экономическую, но и как антропологическую проблему. Например, одна из глав докторской диссертации российского исследователя В.П. Купцова «Проблемы перестройки народного хозяйства и эвакуации мирного населения в годы Великой Отечественной войны» так и называется «Эвакуация – народная драма и составная часть перестройки» [7]. В подобном контексте проблема беженства и эвакуации населения в западных регионах СССР рассматривается и в ряде работ других исследователей [5; 10; 18, с. 87–96].

Вопрос о причинах, которые вызвали и стихийное беженство, и необходимость проведения эвакуации определенных групп населения, в целом не вызывает дискуссий. Очевидно, что эти явления стали результатом вторжения немецко-фашистских захватчиков в СССР [9]. При этом вопрос о персоналиях, которым принадлежит основная заслуга в инициировании и проведении эвакуации в кратчайшие сроки в невиданных ранее масштабах, остается в современной исторической науке ареной острых научных дискуссий [5; 11; 17]. Официально эвакуацией в рамках всего СССР в 1941–1942 гг. руководили специальные государственные органы, созданные по решению ЦК ВКП(б) и СНК – Совет по эвакуации и Комиссия по эвакуации [2, с. 646–647].

Необходимо отметить, что в исторической литературе сроки образования Совета по эвакуации определяются по-разному: в одних работах – в конце июня 1941 г., в других – в начале июля. Имеется известный разнобой и в определении состава Совета. Связано это с тем, что в начале войны было принято два постановления о составе Совета по эвакуации. По документу от 24 июня 1941 г. в его состав вошли Л. М. Каганович как председатель, А. Н. Косыгин и Н. М. Шверник в качестве заместителей и пять членов. Другой документ датируется 16 июля 1941 г., когда по решению Государственного комитета обороны состав Совета по эвакуации был реорганизован. Еще ранее Л. М. Каганович был заменен на посту председателя Совета Н. М. Шверником, а в состав нового Совета по эвакуации вошли также представители заинтересованных ведомств, в том числе Наркомата внутренних дел СССР и главного управления тыла Красной Армии. 26 сен-

тября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано управление по эвакуации населения (существовало до 31 января 1942 г.) во главе с заместителем председателя СНК РСФСР К. Д. Памфиловым, который одновременно был введен в состав Совета по эвакуации в качестве одного из заместителей председателя Совета [22, с. 9–10].

В БССР республиканская центральная эвакуационная комиссия была создана 25 июня 1941 г. во главе с председателем СНК БССР И.С. Былинским, которая, покинув Минск и переехав в Могилев, сама приступила к работе фактически уже в условиях эвакуации. На нужды эвакуации правительство республики выделило 3 млн р. [16]. До последнего времени в белорусской историографии было распространено мнение, что успешная эвакуация проходила только в восточных регионах республики. Как показывают новейшие исследования, определенные эвакуационные мероприятия (в отношении определенных категорий населения, денежных средств и ценностей отделений Госбанка, документации партийных организаций, подвижного состава Брест-Литовской железной дороги) были частично проведены и в западных областях БССР [19].

Ряд российских исследователей высказывают сомнения, что работу такого масштаба – в рамках всего СССР – могли инициировать и в целом успешно осуществить второстепенные представители советской номенклатуры [11; 17]. На наш взгляд, это связано с тем обстоятельством, что в начальный период войны, когда в результате многочисленных ошибок военного и политического руководства СССР Красная Армия вынуждена была отступить, решение о проведении эвакуации людских и материальных ресурсов и ее окончательные итоги стали одним из важнейших условий успешного противостояния «Третьему рейху». После провала немецкого плана «блицкриг» война между СССР и Германией во многом превратилась в «войну ресурсов», и именно успешная эвакуация промышленных, сельскохозяйственных ресурсов и квалифицированных рабочих, других стратегических объектов стала залогом будущей победы СССР.

Всего за июль – август 1941 г. в тыловые регионы СССР только из Беларуси было эвакуировано оборудование 124 крупных предприятия и 14 промышленных артелей, 36 МТС с полным оснащением (около 5 тыс. тракторов, более 600 комбайнов, молотилок, станков и другой техники), около 700 тыс. голов скота, 93,6 тыс. т зерна, свыше 1 тыс. т цветных металлов, большое количество мирного населения [2, с. 646–647]. Еще большие цифры эвакуации были достигнуты в Украине и европейской части РСФСР. В связи с этим ряд российских исследователей приписывают подобную дальновидность исключительно руководителю советского государства – И. Сталину, стремясь таким образом реабилитировать его за просчеты начального периода войны [11; 17]. Большинство ученых считают эвакуацию коллективным подвигом, ставшим результатом беспримерного, героического труда представителей самых различных сфер советского общества, благодаря инициативности и решительным действиям которых удалось реализовать эвакуацию, сохранив значительную часть потенциала страны. На наш взгляд, нельзя приписывать заслуги за успешно проведенную эвакуацию только отдельным руководителям, она действительно стала результатом вклада всего советского народа.

Трагические события начального периода войны и связанный с ними стихийный характер многих эвакуационных мероприятий ставят вопрос о наличии предвоенных эвакуационных планов. Ряд авторов считают, что в предвоенные годы в СССР эвакуационных планов на случай возможного нападения врага не было [3; 19]. В качестве аргументов в пользу этой версии прежде всего приводится наступательная военная доктрина СССР, которая предусматривала быстрый перенос боевых действий на территорию противника в случае агрессии последнего. При этом некоторые исследователи ссылаются на более поздние документы (например, материалы 1942 г. о деятельности БШПР), согласно которым план эвакуации промышленных предприятий, тракторов, скота, государственных ценностей и продуктов питания был составлен и рассмотрен ЦК КП(б) Белоруссии и СНК БССР в связи с вероломным вторжением немцев в Советскую Белоруссию [19].

Другие исследователи считают, что проекты планов были разработаны, но не утверждены. Израильский ученый, доктор исторических наук Л. Смиловицкий в своей работе упоминает события мая 1941 г., когда начальник Генштаба Г.К. Жуков докладывал высшему советскому и партийному руководству, что наступил «особо угрожаемый период», в связи с чем в начале июня 1941 г. представил план возможной эвакуации. Последний предусматривал районы и категории населения, подлежащие первоочередной эвакуации. Л. Смиловицкий ссылается на проект постановления СНК СССР «Об утверждении Положения об эвакуации и порядке разработки

эвакуационных планов» от 7 июня 1941 г. Согласно этому документу перед началом боевых действий из пограничной полосы глубиной 75–100 км планировалось прежде всего вывозить детей дошкольного возраста и школьников до 15 лет, а также пожилых людей старше 60 лет и все мужское население, годное к воинской службе [18, с. 81–82]. Упоминает о проектах возможной эвакуации и российский ученый, доктор исторических наук, академик РАН Г. Куманев. Например, 21 апреля 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление «О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны г. Москвы», была создана специальная Комиссия по эвакуации из Москвы. 3 июня эта комиссия представила И.В. Сталину свой план и проект постановления Совнаркома ССР «О частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время». Этот проект И. Сталин 5 июня 1941 г. посчитал «несвоевременным» и приказал комиссию по эвакуации ликвидировать [6].

Однако беспрецедентные масштабы перемещения людей, оборудования и ценностей в тыловые районы СССР и общее значение этого события подвигли ряд исследователей считать, что было бы практически невозможно достичь подобных высоких результатов без наличия определенной нормативной базы по вопросам эвакуации. Ряд российских исследователей считают, что планы эвакуации на случай возможной войны следует искать в мобилизационных планах СССР, принятых задолго до Великой Отечественной войны.

В книге российского исследователя А.А. Мелия «Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР» приводится аргументация, что эвакуационные планы разрабатывались в советской стране уже в 20-х гг. XX в., о чем свидетельствуют постановление Совета труда и обороны «О вывозе из угрожаемых неприятелем районов ценного имущества, учреждений, предприятий и людских контингентов» от 20 июля 1928 г. и Наставление для разработки плана вывоза (с грифом «совершенно секретно»), подготовленное в 1930 г. Эти документы регулировали основные вопросы эвакуационной работы: порядок использования материальных ресурсов в угрожаемых районах, принципы формирования перечня объектов вывоза, порядок составления эвакуационных планов в мирное время и порядок проведения эвакуационных мероприятий в условиях войны. Указывались конкретные объекты и категории населения, которые подлежали будущей эвакуации, определялись ведомства, ответственные за организацию этого процесса по своим направлениям, а также тыловые регионы возможной передислокации [12, с. 68–88].

Отвечая на вопрос об изменении военной доктрины во второй половине 30-х гг., автор признает, что в 1936 г. К.Е. Ворошилов провозгласил лозунг о том, что Красная Армия будет вести войну «малой кровью и на чужой территории». Но при этом А.А. Мелия указывает, что это заявление не помешало утверждению в следующем году очередного плана эвакуации из районов, которые могут быть заняты противником, и очередных норм потерь на год войны, имевших крайне мало общего с упомянутым лозунгом. Надо согласиться с мнением А.А. Мелии, что при «анализе мероприятий по подготовке к войне очень важно разделять политическую пропаганду и реальное направление военного планирования» [12, с. 20–22].

Отметим, что достаточно оперативно разработанное и принятое в самом начале Великой Отечественной войны постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» от 27 июня 1941 г. [14] по многим позициям созвучно указанным выше нормативным документам по эвакуации 1928 и 1930 гг. При этом следует признать, что общая растерянность и неподготовленность советских, партийных органов на местах, их ошибки при проведении эвакуационных мероприятий свидетельствуют, что предвоенные планы были глубоко засекречены и в условиях внезапного для СССР нападения нацистской Германии не всегда могли быть применены.

Согласимся с белорусским исследователем Л. Сугако, что крайне сложным является вопрос о количестве беженцев и эвакуированного населения с территории Беларуси. Цифры называются самые разные: от 1 до 1,5 млн человек. Такой разброс цифр во многом объясняется именно наличием значительной части стихийного беженства, подсчет которого представляет собой сложную, а часто и невыполнимую задачу. Уже в июле 1941 г. работа Центральной эвакуационной комиссии при СНК БССР критиковалась высшими партийными органами как раз за «отсутствие точных данных об эвакуации» [1, с. 27–28]. В мае 1942 г. была подготовлена справка «О работе правительства республики с 22 июня 1941 г. по 22 апреля 1942 г.», в которой сообщалось, что партийными и государственными органами БССР была оказана помощь в эвакуации 1,5 млн человек [1, с. 74]. Эта цифра довольно часто упоминается в источниках. В августе 1942 г. СНК БССР подкорректировал эти данные и количество эвакуированного населения было определено

в 700 тыс. человек (с оговоркой «...по неполным данным»). В 70-х гг. XX в. ведущий в советское время специалист по эвакуации Г.И. Олехнович и демограф А.А. Раков определили число эвакуированных из восточной Беларуси в количестве более 900 тыс. человек [4].

По доступным документам и публикациям Л. Сугако подсчитал охваченное учетом в процессе эвакуации население республики и получил цифру в 386 тыс. человек, которая может рассматриваться в качестве минимального известного количества эвакуированного населения из Беларуси [20, с. 128–130]. Более точные сведения содержатся в материалах переписи, проведенной в 1942 г. Центральным справочным бюро при Совете по эвакуации во всех регионах советского тыла, хранящихся в архивах Российской Федерации.

Таким образом, вопросы эвакуации населения и стихийного беженства в начальный период Великой Отечественной войны являются актуальной исторической проблемой, поскольку это явление затронуло значительную часть жизни общества, но не было в достаточной мере изучено в советской историографии. Процесс стихийного беженства, ставшего результатом бегства мирных жителей от немецко-фашистских оккупантов, также не получил должной оценки в советский период. Эвакуация как материальных ресурсов, так и отдельных категорий граждан сыграла важнейшую роль в перестройке народного хозяйства СССР на военный лад с целью противостояния агрессии нацистской Германии. При этом вопросы, связанные со своевременной подготовкой эвакуационных мероприятий в предвоенный период, определение конкретной роли высшего и местного партийного и советского руководства в инициировании и проведении эвакуации, а также определение общего количества эвакуированного населения остаются дискуссионными и могут быть решены прежде всего с помощью глубокого и, по возможности, объективного анализа архивных документов и материалов.

Библиографические ссылки

1. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.) : док. и материалы / Нац. архив Респ. Беларусь ; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. Минск : НАРБ, 2006.
2. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941–1945 : энцыклапедыя. Минск : [б. и.], 1990.
3. Горьков, Ю. Государственный Комитет Обороны постановляет / Ю. Горьков. М., 2002.
4. Кузьменко, В.И. Эвакуированное население Беларуси в советском тылу (к постановке проблемы) / В. И. Кузьменко // Беларусь в годы Великой Отечественной войны: уроки истории и современность : материалы междунар. науч. конф. (Минск, 29–30 июня 2004 г.) / сост. А.М. Литвин [и др.]. Минск : Ин-т истории НАН Беларуси, 2004.
5. Куманев, Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы / Г.А. Куманев // Новая и новейшая история. 2006. № 6.
6. Куманев, Г.А. Людские потери СССР в период Второй мировой войны / Г.А. Куманев // Материалы конф., 14–15 марта 1995 г. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 1995.
7. Купцов, В.П. Проблемы перестройки народного хозяйства и эвакуации мирного населения в годы Великой Отечественной войны : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В.П. Купцов. М., 2002.
8. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. : в 6 т. Т. 2 : Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). / под ред. Н.А. Фокина. М. : [б. и.], 1961.
9. Лихоманов, М.И. Партийное руководство эвакуацией в период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. / М.И. Лихоманов, Л.Т. Позина, Е.И. Финогенов. Л. : Изд-во ЛГУ, 1985.
10. Лютко, С.Г. Эвакуация людских и материальных ресурсов с территории Минской области в начале Великой Отечественной войны / С.Г. Лютко // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Мінскі дзярж. лінгвіст. ун-т, Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; рэдкал.: А.А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. Вып. 6 : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 26 крас. 2007 г.
11. Мартиросян, А. К решающим битвам / А. Мартиросян. М. : Вече, 2008.
12. Мелия, А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР / А. Мелия. М. : Альпина Бизнес Букс, 2004.
13. Олехнович, Г.И. Трудящиеся Белоруссии – фронту. Трудовая деятельность белорусского населения, эвакуированного в годы Великой Отечественной войны в советский тыл. 1941–1943 гг. / Г.И. Олехнович. Минск : [б. и.], 1972.
14. Первые дни войны: эвакуация. По материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП (б) // Отечеств. архивы. 1995. № 2.
15. Полян, П. Не по своей воле... : История и география принудительных миграций в СССР / П. Полян. М. : Мемориал, 2001.
16. Потемкина, М.Н. Эвакуация и эвакуанное население из Белоруссии на Урале в годы Великой Отечественной войны / М.Н. Потемкина // Великая Победа: героизм и подвиг народов : материалы Междунар. научн. конф. (Минск, 28–29 апр. 2005 г.) : в 2 т. Т. 2 / отв. ред. А.М. Литвин. Минск : Ин-т истории НАН Беларуси, 2006.
17. Прудникова, Е.А. Ленин – Сталин. Технология невозможного / Е.А. Прудникова. М. : [б. и.], 2009.
18. Смиловицкий, Л. Эвакуация и уроки Холокоста: история и современность : сб. науч. работ / Л. Смиловицкий. Минск : Ковчег, 2009–2010. Вып. 3.
19. Сугака, Л.А. Об особенностях эвакуации в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны / Л. Сугака / Весн. Брэсцк. ун-та. Сер. гуманит. і грамад. навук. 2008. № 2.

20. Сугако, Л.А. Ход и итоги эвакуации населения БССР летом 1941 года: проблемные аспекты / Л. Сугако / Изв. Гомел. гос. ун-та имени Ф. Скорины. 2011. № 5 (68).

21. Сугака, Л.А. Эвакуацыя з БССР у гады Вялікай Айчыннай вайны: некаторыя асаблівасці сучаснай гістарыяграфіі праблемы / Л. Сугака // Великая Победа: героизм и подвиг народов : материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 28–29 апр. 2005 г.) : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А.М. Литвин. Минск : Ин-т истории НАН Беларуси, 2006.

22. Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг. : сб. ст. и воспоминаний / редкол.: Ю.А. Поляков (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1966.

Дата поступления в редакцию: 29.03.2012

УДК 004:34

А.Н. Ленёхин, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры правовой информатики Академии МВД Республики Беларусь;

О.В. Кипченко, старший инспектор по особым поручениям Департамента охраны МВД Республики Беларусь

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБОРОТА ИНФОРМАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Рассматриваются некоторые правовые аспекты обращения информации в виртуальном пространстве, а также в социальных сетях как наиболее используемых площадках для сетевого общения. Ставится ряд вопросов, требующих научной проработки: какая информация подлежит правовой защите, а также кто и с помощью каких мер должен защищать информацию в социальных сетях. С учетом анализа белорусского законодательства предпринимаются попытки разрешить эти вопросы и делается вывод о необходимости разработки нормативного правового акта, регламентирующего вопросы оборота персональных данных.

The article discusses some of the legal aspects of information on the virtual space, as well as in social networks, as the most used platforms for network communication. Raises a number of issues requiring scientific study - information to be legal protection, as well as who and with what measures should protect information in social networks. An analysis of the belarusian legislation attempts to resolve these issues and draw conclusions about the need for a legal act or regulations covering trafficking of personal data.

В современном мире развитие компьютерных технологий объективно приобретает все большую значимость. Качественные перестройки современного мира существенно расширили круг возможностей для общества в коммуникационной сфере, однако и породили вместе с собой проблемы, решение которых часто находится на начальных стадиях разработки. К одной из таких проблем относится и вопрос обеспечения информационной безопасности, особенно в социальных сетях, ведь круг лиц и пространство для преступлений, совершаемых в сфере высоких технологий, может быть почти бесконечным.

В силу этого важное значение имеет не только необходимость создания специализированного национального информационного права для безопасности и эффективности информационных технологий, отвечающего современной сфере прогрессирующих общественных отношений, но и баланса между ним и нормами международного информационного права.

С этой целью 9 ноября 2010 г. указом Президента Республики Беларусь № 575 была утверждена Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [2], в которой как самостоятельное направление был выделен именно этот вид безопасности. Согласно этому документу под информационной безопасностью понимается состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере.

Рассматривая феномен социальных сетей в контексте обеспечения информационной безопасности, следует отметить, что на данный момент такие коммуникационные сети, по сути, являются огромной базой данных с самой разнообразной информацией о сотнях миллионов людей по всему миру, которая к тому же неплохо структурирована. В последнее время такие сети все больше открываются внешнему миру, а многие личные данные пользователей уже доступны для всех желающих. Чем больше человек общается в разнообразных социальных сетях, тем больше информации о нем можно собрать. Именно поэтому спорное утверждение о том, что «70 % информации спецслужбы собирают из открытых источников», в настоящее время приобретает вполне истинный характер.

Современные социальные сети предлагают пользователям представить свои фото, видео, указать связи (в том числе и по типам); интересы; образование; информацию о работе; места, в